

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

11—13 декабря 1973 г. на заседаниях филологической секции Ученого совета Института востоковедения АН СССР состоялась научная дискуссия на тему «Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки»¹.

Общие задачи дискуссии были сформулированы во вступительном слове председателя Филологической секции Ученого совета В. М. Солицева, который указал на необходимость и актуальность сосредоточения сил специалистов по восточным и африканским языкам, а также представителей различных отраслей лингвистики для проникновения в существо многих спорных и сложных аспектов исторических связей языков Азии и Африки.

На пленарном заседании были рассмотрены наиболее общие проблемы генетических и ареальных связей языков Азии и Африки, в частности, вопросы методов исследования этих связей, а также состояние изученности проблем, вынесенных на повестку дня дискуссии.

Г. А. Климов (Москва), обобщая современное состояние вопроса о взаимоотношениях кавказских языков, подчеркнул, что предпосылкой дальнейшего прогресса кавказского языкознания является строгое разграничение перспектив генетического, типологического и ареального исследования.

В. М. Солицев в своем анализе взаимоотношений языков Китая и Юго-Восточной Азии отметил ряд спорных и нерешенных вопросов этой области, связанных с наличием высокой степени структурного сходства между этими языками, а также ряда общих тенденций в их развитии. Причины указанных сходств могут изучаться в рамках как ареальных, так и генетических исследований. Докладчик подчеркнул, что для последних особый интерес представляют остаточные морфологические явления, обнаруживаемые в некоторых современных изолирующих языках, в сравнении с реконструируемыми фактами древних состояний языков этого ареала.

Т. С. Шарадзеидзе (Тбилиси) указала на необходимость развития теории языковой конвергенции, а также разработки строго научных методов изучения языковых контактов. В этой связи попытки группировки языков по принципу языковых союзов, выдвигавшиеся в противовес генеалогическим классификациям, докладчик охарактеризовала как реинтерпретацию, в конечном итоге, результатов сравнительно-исторического исследования дивергенции языков.

В докладе С. Е. Яхонтова (Ленинград) говорилось о необходимости установления регулярных фонетических соответствий между словами или морфемами сравниваемых языков при решении вопроса об их родстве. По мнению докладчика, структурное типологическое сходство языков может быть результатом языкового родства, контактов или случайного совпадения. Исходя из этих принципов, докладчик охарактеризовал состояние изученности взаимосвязей языков Юго-Восточной Азии и предложил генетическую группировку этих языков.

На секционных заседаниях были прослушаны доклады, в которых был затронут широкий круг проблем, возникающих при изучении материальных элементов и структурных черт языков как возможных свидетельств генетических и/или ареальных отношений между конкретными языками и языковыми объединениями.

Ряд участников дискуссии сосредоточил свое внимание на методике разграничения тех языковых сходств, которые обусловлены общим происхождением языков, и тех, которые возводимы к древним ареальным связям. Г. А. Зограф (Ленинград) на материале новых индоарийских языков показал различие между общностью генетически связанных языков и выделяемыми в ней ареалами, обнаруживающими свидетельство контактов с неродственными языками. Ю. Л. Благодярова (Москва), говоря о проблемах изучения родства и сродства тайских языков, в качестве возможного критерия разграничения контактных явлений и явлений, восходящих к праязыковому состоянию, назвала, в частности, мозаичность распространения первых в противовес наличию последних во всех родственных языках.

В. И. Цициус (Ленинград) на материале вивского и тунгусо-маньчжурских языков показала, что лексические

¹ См. «Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки. Тезисы докладов (Дискуссия на расширенном заседании Филологической Секции Ученого совета Института востоковедения [АН СССР]. Декабрь 1973 г.)», М., 1973.

и структурные параллелизмы между этими языками допускают предварительное толкование их как свидетельств либо ареальных, но при этом довольно поверхностных, связей, либо генетических, но глубинных, восходящих к уровню общепалеоазиатского праязыкового состояния.

В некоторых докладах обсуждались методы исследования генетических отношений между языками в применении к различным типам и категориям языков. А. Л. Грюнберг (Ленинград) и И. М. Стеблин-Каменский (Ленинград) указали на необходимость соблюдения ряда методических требований при полевом обследовании бесписьменных языков как на предпосылку успеха сравнительно-исторического исследования таких языков. С. Е. Яхонтов привел результаты своеобразного лексико-статистического эксперимента на материале некоторых языков Юго-Восточной Азии (мяо, яо, дуншуйских, тайских и др.), подтверждающие, по мысли докладчика, применимость к ним метода глоттохронологического датирования. На трудности применения метода Сводеша к картвельским языкам указал К. Б. Лернер (Тбилиси).

Ю. Я. Плавин (Москва) изложил методику выявления родственных корней, разработанную Ю. А. Горгошиным на материале древнекитайского и мон-кхмерских языков и заключающуюся в обнаружении в сравниваемых языках «гнезд» семантически близких однокорней со сходной или тождественной финалью. Ю. Х. Сяйр (Москва), обобщая проблематику сравнительно-исторического исследования австронезийских языков, подчеркнул, что трудности, возникшие на данном этапе исследований, могут быть преодолены путем переноса центра внимания с семьи как целого на отдельные группы языков.

Возможность применения принципов системной лингвистики, в частности представления о языке как об адаптивной эволюционирующей системе с заданной детерминантой (условиями функционирования), в целях реконструкции праязыкового состояния бесписьменных языков обсуждалась в докладе Г. П. Мельникова (Москва). Квазитативные методы определения генетической принадлежности дешифруемого языка, а также опыт применения этих методов к морфологии атрусского языка были охарактеризованы А. М. Коидратовым (Ленинград) и Е. Д. Савенковой (Ленинград).

Результаты использования различных методик выявления и классификации родственных связей между языками обсуждались в докладах М. А. Членова (Москва) (лексико-статистическая методика в применении к языкам Юго-Восточной Индонезии), Е. А. Хелимского (Москва) (лексико-статистические

данные и их глоттохронологическая интерпретация при группировке самодийских языков), Ю. Х. Сяйра (опыт выделения группы родственных языков — южносулавесийской — как единицы генетической классификации), Н. В. Гурова (Ленинград) (опыт классификации дравидийских языков).

Темой ряда докладов были конкретные вопросы фонологической реконструкции, исторической грамматики и лексикологии. С. А. Старостин (Москва) представил результаты реконструкции губных финалей в древнекитайском языке, А. Н. Годоватики (Москва) — пратибхо-бирманских аффрикат и одной из финалей, И. А. Муравьева (Москва) — некоторых аспектов чукотско-корякской системы гласных (в связи с историей гармонии гласных в чукотско-камчатских языках), Р. Р. Юсипова (Москва) рассмотрела вопрос о происхождении аффикса каузативности *-t* в тюркских языках. В докладе Л. О. Сеяма (Москва) был дан анализ антропонимов в надписях Камбоджи VI—XIII вв.

Доклады значительного числа участников были посвящены характеристике ареальных связей между конкретными языками и языковыми группами. Д. И. Эдельман (Москва) проанализировала те типологические черты языков восточноиракского ареала, которые позволяют предположить, что субстратом этого ареала были языки активной типологии. На папато-дардских контактах в Кунаре (Афганистан) остановился Н. А. Дворянков (Москва). Н. А. Сыромятников (Москва) рассматривал общие явления в лексике, фонологии и грамматике японского, алтайских и индонезийских языков, возводя эти явления к различным эпохам языкового контактирования на Японских островах и за их пределами. Г. Ф. Благовой (Москва) сложные соотношения разных типов падежных парадигм в среднеазиатско-тюркских языках интерпретировались в свете разнонаправленных ареальных взаимодействий соседствующих языков и диалектов. И. Ш. Козинским (Москва) было высказано предположение о возможном русско-тюркском или русско-монгольском происхождении кяхтинского (русско-китайского) пиджинизированного языка. Анализируя контактные явления в яванском ареале, А. К. Оглобин (Ленинград) подчеркнул различие между «литературным» и «бытовым» контактом, которым могут соответствовать разные виды языковых изменений. В. Б. Касевич (Ленинград) и Д. И. Еловков (Ленинград) обнаружили в строении кхмерского слога и в его соотношении с морфемой явления, указывающие на движение кхмерского языка от неслогового к слоговому типу, что объясняется

как результат ареальных влияний. Л. А. Гиндин (Москва), выявив среди фрако-хетто-лувийских лексико-омомастических изоглосс пласт индоевропейских корней, высказал предположение о возможных контактах фракийского с хетто-лувийскими языками в Центральной Европе в преанатолийский период.

Наконец, объектом внимания ряда докладчиков были структурно-типологические характеристики языков, объединяемых по генетическому, ареальному или географическому принципу. Темой доклада Н. Ф. Алиевой (Москва) были повторы в языковых семьях Юго-Восточной Азии, сравнение последних с точки зрения преобладающих в них моделей удвоения, а также по степени целостности корневой морфемы при удвоении. В. Д. Аракин (Москва) охарактеризовал модели атрибутивных словосочетаний в группах родственных австронезийских языков. На принципиальной важности изучения структуры сложных слов при сравнительном исследовании языков Китая и Юго-Восточной Азии остановилась Н. В. Омельянович (Москва). В. И. Печуров (Москва) рассмотрел принцип аддитивности, характерный для индонезийского типа агглютинации. Ю. К. Лекомцевым (Москва) был предложен список синтаксических различительных признаков для оценки расстояния между структурами предложений языков различных типов. В докладе Л. И. Шкарбан (Москва) было высказано предположение, что особенности функционирования корневых слов в глагольных системах индонезийских языков могут отражать черты исторического процесса развития категорий глагола и имени в этих языках. О структурных сходствах хеттского и абхазо-адыгских языков как возможных свидетельствах их родства говорил в своем докладе В. Г. Ардзинба (Москва). К структурным и статистическим параметрам морфологического и фонемного уровней при сравнительном изучении языков и языковых групп обратились в своих докладах Л. Г. Зубкова (Москва) и И. Г. Меликишвили (Тбилиси).

На дискуссии были прослушаны доклады Г. П. Щедровицкого (Москва) (один — в соавторстве с Н. И. Кузнецовой, Москва) о методологических аспектах сравнительно-исторического языкознания и ареальной лингвистики.

На заключительном пленарном заседании А. Б. Долгопольский (Москва) остановился на общих вопросах применимости к языкам различных типов и ареалов методов сравнительно-исторического языкознания, которое он предложил называть более точно историко-реконструктивным или генетическим.

Было указано, что отсутствие длительной письменной традиции, отличие строя изучаемых языков от строя индоевропейских языков и состояние далекого родства между ними — не препятствие для осуществления задач историко-реконструктивного языкознания. Докладчик отметил, что доказательство родства между языками должно базироваться на выявлении генетически общих элементов материального характера.

Оценивая результаты дискуссии в целом, В. М. Солнцев справедливо отметил, что широкий круг ее участников и обилие выступлений на ней свидетельствует о том, что дискуссия была своевременной и актуальной. Она показала, что в востоковедной лингвистике в целом усилилось внимание как к общим, так и к частным проблемам генетических связей языков. В то же время в области изучения языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии обращение к этой проблематике равнозначно, по существу, возникновению нового направления лингвистических исследований. Нет сомнения, что дальнейшему развитию этих исследований будет способствовать состоявшийся на дискуссии обмен мнениями между учеными.

Л. И. Шкарбан (Москва)

С 19 по 21 ноября 1973 г. в Институте языкознания АН СССР в Москве состоялся очередной организованный сектором тюркских языков симпозиум¹ по сравнительно-исторической фонетике тюркских языков. Симпозиум был проведен в честь 75-летия со дня рождения чл.-корр. АН СССР Н. К. Дмитриева, характеристике многогранного научного творчества и педагогической деятельности которого были отведены утреннее и вечернее заседания 19 ноября.

Во вступительном слове зав. сектором Э. Р. Тенишев отметил, что становление Н. К. Дмитриева как ученого совпало с началом той огромной работы по

¹ Симпозиумы проводятся с 1967 г., первый — июнь 1967 г. (см.: «Симпозиум по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. 13—15 июня 1967 г. Тезисы сообщений», М., 1967), второй — 11—13 декабря 1970 г. (см.: М. Ш. Рагимов, В. И. Аславов, Сравнительно-историческое изучение тюркских языков, «Советская тюркология», 1970, 5, а также: ВЯ, 1971, 2, стр. 155—158), третий — 19—21 октября 1971 г. (см.: «Советская тюркология», 1971, 5, стр. 133—138), четвертый — 15—17 октября 1972 г.

изучению языков народов СССР, которая развернулась с первых лет Советской власти. Н. К. Дмитриев явился основателем грамматической школы в советской тюркологии, синтезировавшей достижения дореволюционной отечественной тюркологии и лингвистической теории. С докладом «Н. К. Дмитриев и историческая тюркология» выступил Э. В. Севортян (Москва).²

Э. Р. Тенишев в докладе «Н. К. Дмитриев и сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» отметил, что обобщающие труды, созданные под руководством и при участии Н. К. Дмитриева — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков» в четырех томах и «Историческое развитие лексики тюркских языков» — мыслились в качестве первого этапа в создании этой грамматики. На переход к следующему этапу в настоящее время надеется работа сектора тюркских языков ИЯ АН СССР. В докладе кратко охарактеризованы основные методические принципы и предполагаемая структура «Сравнительно-исторической фонетики» (I том коллективного исследования, 1972—1975 гг.). Основная задача исследования — разработка строго аргументированной праязыковой схемы, которая явится точкой отсчета для интерпретации накопленного материала. В комплекс методических приемов входит внешняя и внутренняя реконструкция, приемы ареальной лингвистики, учет относительной хронологии, стратификация праязыковых уровней. Особо отмечена необходимость локализации в этих построениях древних языков, что исключит их отождествление с праязыком.

В ряде докладов был охарактеризован вклад Н. К. Дмитриева в изучение отдельных тюркских языков и создание по ряду из них первых научных грамматик. Эти вопросы были рассмотрены в докладах Э. Б. Мухамедовой (Анхабад) «Н. К. Дмитриев — исследователь туркменского языка», Л. С. Левитской (Москва) «Н. К. Дмитриев и кумыкское языкознание», Т. М. Гарипова (Уфа) «Неопубликованные рукописи Н. К. Дмитриева по башкироведению», И. В. Боролипой (Москва) «Н. К. Дмитриев и тюркский фольклор».

В. Д. Аракил (Москва) в докладе «Н. К. Дмитриев и исследование тюркизов в славянских языках» остановился, в частности, на методе определения языка — источника тюркизма, строящейся на документированном изучении времени и места заимствования с учетом историко-культурного ландшафта. Ф. Д. Ашнин (Москва), подчеркивая интерес Н. К. Дмитриева к истории отечественной тюркологии, остановился в

связи с этим на проблеме авторства одного из первых ярких грамматических трудов — «Грамматики алтайского языка, составленной членами Алтайской миссии» (Казань, 1869). С воспоминаниями о Н. К. Дмитриеве выступил блиско знавший его на протяжении долгих лет С. Б. Бернштейн (Москва).

С заключительным словом в конце мемориального дня выступил А. Н. Кононов (Ленинград). Впервые свои взгляды на грамматический строй тюркских языков Н. К. Дмитриев изложил в примечаниях к учебному пособию С. К. Церуниана «Курс османских разговоров» (стеклография, М., 1924), большого знатока турецкого языка и его первого учителя в этой области. В качестве темы исследования А. Н. Кононов предложил проследить развитие взглядов ученого от этих примечаний к его грамматикам турецкого и кумыкского языков.

Симпозиум по сравнительно-исторической фонетике был посвящен проблеме анлаута. Наиболее дискуссионными в тюркологии являются по существу две стороны этой проблемы: 1) было ли в анлауте фонологическое противопоставление глухих и звонких (или сильных и слабых), и если да, то каково было начало слова в пратюркском — глухое или звонкое (resp. сильное или слабое); 2) какой архетип необходимо реконструировать для группы среднеязычных, известных чередованием $j \sim \zeta \sim l' \sim d' \sim s \sim \varepsilon$.

Первой теме были посвящены доклады Н. З. Гаджиевой (Москва) «Три этапа в развитии анлаутных согласных в истории тюркских языков» и Г. П. Мельникова (Москва) «Связь эволюции авлаутных тюркских согласных с изменением на других ярусах языкового строя». По мнению Н. З. Гаджиевой, в пратюркском не было различия глухих и звонких в анлауте — в этой позиции были только глухие³. В дальнейшем происходило озвончение глухих авлаутных, а позднее — вторичное оглушение звонких, как в чувашском и в сибирских тюркских. Исконность иррелевантности глухих — звонких в анлауте и глухость начальных согласных автор связывает с экспираторным ударением на первом слоге, сдвиг ударения приводил к озвончению, а вторичное оглушение происходило под влиянием иноязычных субстратов. Исходя из этих общих соображений, докладчик склоняется к исконности авлаутного j , так как ζ отражает общую тенденцию второго этапа — озвончение авлаута.

Г. П. Мельников считает необходимым увязывать вопросы реконструкции анлаута с общими представлениями о соответственности всех ярусов языковой струк-

³ См.: Н. З. Гаджиева, Глухое начало слова в тюркском праязыке, «Советская тюркология», 1973, 4.

² См. ВЯ, 1974, 6, стр. 129—136.

туры по степени настроенности языка на определенный способ функционирования. Особенности синтаксиса и морфологии налагают определенные ограничения и придают своеобразие организации фонетического яруса. Эти взаимообусловленные черты языкового механизма по-разному проявляются в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, что (если принимать гипотезу об их генетической общности), возможно, свидетельствует о «продвинутости» тюркских языков в направлении эволюции от общеалтайского состояния. С учетом этого некоторые характерные для современных и древних тюркских языков черты (например, глухость анлаутного консонантизма), возможно, не следует приписывать пратюркскому.

Проблеме реконструкции архетипа для среднеязычных было посвящено несколько докладов, и довольно часто этот вопрос поднимался в выступлениях по докладам А. М. Щербак (Ленинград) в докладе «Еще раз к вопросу о реконструкции общетюркского архетипа $j - j - \check{z} - \check{c} - s...$ » отметил, что известно по крайней мере пять вариантов восстановления архетипа указанной группы согласных (* $\check{z}$, * $\check{j}$, * d' , * d , * θ), которые, по мнению докладчика, «равновероятны» и каждый из которых имеет свои обоснования. А. М. Щербак настаивал на предпочтительности предлагаемой им реконструкции в виде глухого интердентального * θ , исходя из концепции глухого анлаута вообще в пратюркском и его последующего ослабления, а также из соображений фонетического характера. Согласно этому исторически, j не может быть архетипом, но представляет собой «дальний рефлекс * θ ».

В других докладах рассматривались вопросы реализации и конкретной истории среднеязычных в отдельных тюркских языках. В докладе Н. Н. Широбоквой (Новосибирск) «Об отражении в якутском языке древнетюркского $j \rightarrow$ » была изложена опирающаяся на концепцию В. М. Наделяева гипотеза о периодизации якутских переходов среднеязычных. Согласно этим представлениям, сначала общетюрк. $s > \emptyset$ (до X в.) и только затем анлаутный j , бывший, по мнению В. М. Наделяева, глухим (j или ϵ — типа нем. *sch-Laut*'а), мог перейти в s (X—XI вв.), который в якутском представляет еще и рефлекс общетюрк. $\check{c}$. Такой переход среднеязычного в переднеязычный определялся, вероятно, субстратом. Поскольку подавляющее большинство монгольских заимствований сохраняют $\check{c}$ - и $\check{z}$ -, то период монголо-якутских контактов (начиная с XII в.) служит хронологической границей окончания якутских переходов общетюркских $j \rightarrow s$ и $\check{c} \rightarrow s$.

А. Т. Кайдаров (Алма-Ата) в док-

ладе «О тенденциях развития начального согласного j - в уйгурском языке и его диалектах» указал на хронологическое и междиалектное соотношение слов с начальным j -, $\check{j}$ - и $\check{z}$ -. Преобладающие для современного языка анлаутных $\check{z}$ и j он связывает с переориентацией литературной нормы в середине XVIII в. на илийскую группу говоров⁴.

И. Г. Дობромов (Москва) в докладе «Отражении тюркского начального j - в булгаризмах славянских языков», исходя из тюркских заимствований в древнерусском, попытался выдвинуть по крайней мере две разновидности отражения общетюркского анлаутного j либо как $j \sim \check{j} \sim d'$, либо как $s < \check{c}$.

Помимо проблемы анлаутного среднеязычного, на симпозиуме были затронуты вопросы, касающиеся некоторых других звуков начала слова.

Б. А. Серебренников (Москва) в своем докладе высказал предположение, что m - в пратюркском не было, он мог развиваться только из b -, но этот переход был далеко не регулярным и непоследовательным в разных языках, поэтому не может иметь объяснения как фонетический закон. В таком случае чередование b/m - автор предлагает объяснять изоляцией сандхьяльных форм. Наличие m - в хакасском, шорском и чувашском, по мнению Б. А. Серебренникова, свидетельствует о том, что некогда эти языки имели звонкий анлаут, поэтому нынешнее глухое начало является не сохранением пратюркского состояния, а вторичным оглушением.

Т. М. Гарипов в докладе «К судьбе инициальных лабиодентальных в кыпчакских языках Урало-Поволжья» остановился на возможном фонологическом механизме утверждения в башкирском языке f как самостоятельной фонемы, реализующейся в двух аллофонах — губно-зубном и губно-губном. Последний способен возникать аналогично «исконному» w как его глухой коррелят.

Н. А. Баскаков (Москва), исходя из концепции структуры пратюркского корня, которая, по его мнению, обязательно должна была быть типа СГС, развивал идею, что тюркские анлаутные протезы могут рассматриваться либо как рефлексы исконных согласных, либо как действительно вторичное образование, возникшее, однако, в соответствии с прежней слоговой структурой.

В сообщении З. Б. Мухамедовой «Туркменские слова с анлаутным h » на многочисленных диалектных примерах был показан неустойчивый характер этого звука.

⁴ Подробнее см.: А. Т. Кайдаров, Развитие современного уйгурского литературного языка. 1, Алма-Ата, 1969, стр. 178—181.

В выступлениях ленинградских алтаистов тюркские реконструкции рассматривались на фоне внешнего сравнения с данными тунгусо-маньчжурских и монгольских языков как членов алтайской семьи. В. И. Ципиус с принимает алтайский анлаутный консонантизм состоящим из четырех рядов (губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные) с тройчным противопоставлением: сильный глухой придыхательный — сильный глухой непридыхательный — слабый звонкий (вместо более традиционного двойного: глухой — звонкий) плюс звонкий носовой внутри каждого ряда: $p' - p - b - m$, $t' - t - d - n$, $\xi' - \xi - \zeta - n'$, $k' - k - g - \varphi$. Реконструкция тройчного противопоставления идет еще от Э. Гомбоца и получила дальнейшее развитие в трудах В. М. Иллича-Святыха; материал тунгусо-маньчжурских языков позволил В. И. Ципиусу расширить праалтайский анлаут четвертым членом — носовым.

Алтайские корреспонденции в ряду переднеязычных были проиллюстрированы в докладе В. Д. Колесникова «Тунгусо-маньчжурские и монгольские соответствия тюркскому анлаутному t/d ». Согласно концепции многократного противопоставления в праалтайском анлауте, в пратюркском анлауте вряд ли могло отсутствовать какое бы то ни было противопоставление, как к этому склоняются тюркологи (Шербак, Гаджиева и др.) на основе внутренней реконструкции. По поводу более частной проблемы j -с точки зрения алтаистов указывалось на необходимость учитывать гетерогенность пратюркского анлаутного j : часть его восходит к алтайским среднеязычным, а часть — к переднеязычному $*d$.

В докладе Л. В. Дмитриевой «Анлаутные $*s$ и $*t$ в алтайских языках» указывалось на одинаковость рефлексации этих звуков в каждой из трех групп алтайской семьи (например, $*s > h$ в башкирском, бурятском и эвенском при сохранении исконого s в остальных языках).

В докладе Л. С. Левитской «К генезису соответствия чувашского $\bar{i}$ общетюркскому a » были привлечены данные якутского, тофаларского, тувинского и некоторых других языков с аналогичным перебоем $\bar{i} \sim a$. На основе анализа фонетических условий, при которых в одвосложных и неодносложных основах происходит переход $a > a > \bar{i}$, сделан вывод о генетической и хронологической неоднородности примеров $a \sim \bar{i}$ и о невозможности реконструкции на их основе особой пратюркской фонемы.

Л. А. Покровская (Москва) в своем докладе высказала мысль о том, что в ряде общетюркских корней e (отличный от $\bar{e}$) является, возможно наследием более древней системы вокализма, пре-

образовавшейся затем в систему, подчиняющуюся небному сингармонизму, в которой для e не нашлось своего коррелята среди гласных заднего ряда. В ряде других слов e , по мнению докладчика, вторичного происхождения (из $\bar{e}$ и i).

В докладе Р. Х. Халиковой и Ф. Г. Хисамитдиновой (Уфа) приводились примеры из среднего диалекта башкирского языка, в которых отмечаются реликтовые сочетания сонанта с глухим смычным $-lt-$, $-nt-$, $-\eta k-$, $-mk-$ вместо авонкого смычного в литературном.

Ф. А. Ганиев (Казань) в своем сообщении остановился на явлении просодического различия омонимичных основ, принадлежащих разным частям речи, увязав это с гипотезой о первичности ударения на первом слоге⁵.

Более общей проблеме компаративистики — соотношению фонетической и морфологической реконструкции — был посвящен доклад Э. В. Севортяна «Всегда ли при реконструкциях требуется фонетический архетип всего слова». Докладчик убедительно показал необходимость фонеморфологического анализа восстанавливаемых основ, поскольку одна лишь фонетическая реконструкция оказывается часто недостаточной.

М. Ш. Рагимов (Баку) остановился на методике извлечения фонетических данных из арабописьменных тюркских памятников.

Е. И. Убрятова (Новосибирск), указав в своем выступлении, что часто языковые данные являются решающими для выяснения истории того или иного народа, остановилась в частности, на проблеме соотношения киргизского и некоторых сибирских тюркских языков с языком енисейских надписей.

И. В. Кормушин, Д. М. Насилов
(Ленинград)

18—21 сентября 1973 г. по инициативе Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая в Мордовском гос. университете им. Н. П. Огарева (Саранск) состоялась IV конференция по ономастике Поволжья.

Открывая пленарное заседание, ректор Мордовского университета А. И. Сухарев подчеркнул общетеоретическую и практическую важность разработки ономастического материала.

Как и на трех предыдущих Поволжских конференциях, на IV конференции были представлены, хотя и неравномерно, все основные направления современной

⁵ См.: Ф. А. Ганиев, Фонетическое словообразование в татарском языке, Казань, 1973, стр. 29—38.

ономастики — теоретическая ономастика, антропонимика, топонимика, этнонимика, космонимика, зоонимика, ктематонимика (названия учреждений, пароходов, поездов и т. п.).

Р. Ш. Джарылгасинова (Москва) в докладе «Основная проблематика исследований группы ономастики Института этнографии АН СССР», прочитанном на пленарном заседании, показала широкую тематику ономастических исследований, проводимых как сотрудниками группы, так и внештатными ономастологами, работающими в различных республиках Советского Союза. Много внимания уделяется этнонимии, в частности названиям народов нашей страны и народов мира. Результатом этой работы явился сборник «Этнонимы» (М., 1970) — первый значительный труд по этнонимии мира. Вопросы этнонимии получили отражение в сборнике «Этнография имен» (М., 1971).

Результаты исследований по антропонимике нашли отражение в книгах «Личное имя в прошлом, настоящем, будущем» (М., 1970) и «Антропонимика» (М., 1970). В настоящее время готовится к печати справочник «Система личных имен у народов мира», где описаны имена 100 различных народов, в том числе татар, алтайцев, ханты, манси, удэгейцев и др.

Топонимическая тематика группы и руководимых ею авторов нашла отражение в топонимическом разделе книги «Этнография имен» и в подготовленном к печати сб. «Ономастика Востока». Члены ономастической группы Института этнографии принимали участие в XI Международном конгрессе по ономастике (София, 1972). Руководитель группы В. А. Никонов, являющийся членом Международного Комитета ономастических наук при ЮНЕСКО, ориентирует исследователя на разработку не только традиционных разделов ономастики, но и новых, пока слабо изученных — космонимики, зоонимики.

Перечисленные направления работы группы этнографии получают развитие и конкретную реализацию на богатом русском, финно-угорском и тюркском материалах на Поволжских конференциях, также в исследованиях ономастологов Средней Азии, Кавказа и других регионов страны.

На топонимических заседаниях конференции обсуждались проблемы: топонимия и история, региональные и глобальные исследования топонимии, отражение местных географических терминов в топонимии, топонимические пласты на территориях с нерусским населением (Мордовская АССР, Марийская АССР, Коми АССР, Башкирская АССР и др.), а также топонимическая стратификация территорий, занятых русским населением; словообразование топонимов, их этимология; связь топонимии с этнонимией,

антропонимией и другими ономастическими разрядами, отражение в топонимах и микротопонимах названий птиц, животных и другой апеллятивной лексики; вопросы топонимической лексикографии; топонимия в художественной литературе, публицистике и фольклоре.

Гидронимии тюркского, финно-угорского, русского (славянского), монгольского происхождения были посвящены доклады И. К. Инжеватова (Саранск), П. В. Зимиана (Пенза), М. В. Лабзиной (Магнитогорск), В. Э. Очир-Гариева (Москва) и др.

И. К. Инжеватов в докладе о гидронимах с компонентом *сар* высказал предположение, что название рек в Присурье *Сара, Сарлей, Инсар, Инва, Сарма* восходит к общефинноугорскому *сара* «большие болота» и что гидронимы с этим корнем дали начало ойконимам *Саранск, Инсар, Засарье* и др.

В. Э. Очир-Гариев, анализируя калмыцкую гидронимию, пришел к выводу о том, что в названиях колодезев отражается природа края (почва, растительный покров) и специфика хозяйственной деятельности калмыков. Чаще всего такие слова выступают в качестве оофорных компонентов (номенклатурных терминов) составных топонимов.

М. В. Лабзина, проанализировав бытовую семантику названий озер на территории Южного Урала, замечает, что основным принципом номинации озер региона является закрепление в названии их свойств (цвет и вкус воды, размер, очертания берегов, своеобразие растительного и животного мира). Аналогичные наблюдения сделаны А. С. Крюковой (Уральск) по отражению в топонимии Приуралья диалектных названий воды (*Зарастённый Ильмень, Зарослая Старица* и др.).

Ряд докладов был посвящен названиям населенных пунктов Поволжья, их структуре, языковой принадлежности, их связи с историей заселения Поволжья. Н. Д. Русинов (Горький) в докладе «О роли русских топонимов в датировании этногенеза и в изучении исчезнувших языков Восточной Европы», рассмотрев факты необычного фонетического варьирования названий населенных мест типа *Аргуново — Варгуново, Патонино — Вагоново, Ланкино — Ванкино* и др., высказал гипотезу о том, что в них отражается язык мерян — предшественников славян в Угличском Верхневолжье.

Е. В. Ухмылина (Горький) в докладе о повторяющихся (омонимичных?) названиях населенных мест Горьковской области обратила внимание на частотность таких названий, как *Александровка* (23 села), *Малиновка* (29), *Сосновка* (18), *Высокое* (15). Подобные наименования обычно концентрируются в местах наи-

более раннего славянского заселения края; важную роль они играют в создании сложных ойконимов (*Новая Александровка, Гремячая Поляна*).

И. Г. Долгачев и Г. Н. Несина (Волгоград) в докладе о словообразовательной структуре составных топонимов анализировали типы отношений между компонентами составных топонимов типа *Крайняя Балта, Путь Ильича, Новый Путь Труда*.

Сравнительной характеристике словообразовательных типов топонимов различных территорий Поволжья посвятила выступление Н. А. Кузнецова (Пенза).

Г. В. Еремин (Пенза), изучив историю наименований населенных пунктов Пензенской области, полагает, что переименования должны производиться компетентными комиссиями лишь при наличии серьезных оснований.

В докладе С. Я. Макаровой (Пенза) поставлен вопрос о наличии синонимов для обозначения топонимических объектов. Так, в публицистике вместо официальных названий городов, рек и т. п. используются их заменители — перифразы: *Волга — мать русских рек, Волгоград — город-герой на Волге*. Перифразы классифицируются с учетом признаков, положенных в основу перифразирования (географическое положение, историческая роль топонимической реалии и др.).

О происхождении топонимов на территории Башкирии доложили Ф. Х. Хисаметдинова (Уфа), на территории Удмуртии — Н. С. Качалина и М. В. Вахрушева (Ижевск), о гидронимах финно-угорского происхождения на территории Пензенской области — П. В. Зимин. Почти не затронутыми на конференции оказались такие аспекты топонимии, как названия форм рельефа, названия дорог, мелких земельных угодий, урочищ и т. п.

Большая группа докладов была посвящена вопросам антропонимии. Рассматривались антропонимические категории (псевдонимы, типы неофициальных имен), методика историко-сопоставительного и синхронно-типологического изучения антропонимов и антропонимических формантов, состав имен в дохристианский и домусульманский периоды, процессы заимствования и адаптации иноязычных имен, этимология антропонимов, вопросы качественной и количественной характеристики современных имен у русских, татар, башкир, мордвы, а также именников в национально смешанных семьях.

С докладом «География фамилий Поволжья» выступил В. А. Никонов (Москва), наметивший программу лингвогеографического изучения антропонимов и их формантов. В качестве предварительной группировки предложено деление фамилий на повсеместные, зональ-

ные и региональные. Исследования такого рода откроют новые факты, интересные историкам, социологам, этнографам.

В докладе Т. И. Сурковой (Пенза) «Псевдонимы как особый тип антропонимов» было проведено сопоставление псевдонимов с другими псевдоименованиями: псевдотопонимами, псевдозоонимами, а также с разрядами реальной антропонимии фамилиями, именами, отчествами. Выяснялись функциональный статус псевдонимов, их языковые признаки и место в ономастической системе.

О. И. Александрова (Куйбышев) предложила выделять в особую группу «контактоустанавливающие» (фатические) неофициальные личные имена типа Алпатыч от фамилии Алпатов, Никонич от Никонов и не смешивать их с прозвищами и др. видами личных имен.

Методу сравнения именников разных хронологических срезов был посвящен доклад В. Д. Бондалетова (Пенза) «Личные имена в городе Пензе 100 лет назад и теперь». Предложенный им количественно-качественный метод (нахождения удельного веса частых имен и установление их конкретного состава в том или ином регионе) позволяет анализировать антропонимию не только в диахроническом, но и в синхронном планах и, следовательно, дает возможность начать сравнительно-типологическое изучение функционирования имен разных народов.

Ряд докладов был посвящен истории различных типов антропонимов и их функционированию в наше время, а также выбору имен в национально смешанных семьях.

Одно из заседаний было посвящено обсуждению принципов построения и содержания «Вопросника для собирания космоимов». Изучение народных названий Млечного пути (*Батмьева дорога, Птичий путь*), Большой Медведицы (*Лось, Кош, Воз*), Ориона (*Жичига, Перевясло*), Плеяд (*Вабы, Кучки, Птичье гнездо*), Полярной звезды (*Прикол, Стожар*), Венеры, Луны и других космических объектов в разных языках мира, помимо лингвистической ценности, может представить интерес для выявления былых контактов разноразличных народов.

Подводя итоги конференции, В. А. Никонов призвал смелее приступать к решению практических задач ономастики (составлению ономастических справочников и словарей, участию в работе комиссий по наименованиям и переименованиям населенных мест), обращать внимание на разработку новых отраслей науки, начать работу по историографии ономастики, подвергнуть серьезному анализу ономастическую продукцию в нашей стране и за рубежом.

В. Д. Бондалетов, Е. К. Данилина
(Пенза)